

Неуловимый корсар

Австралия, XIX век. Он в один и тот же час, в один в тот же день разрушил три английских поселения, одно — в Британской Колумбии, в Америке, другое — в Азии, недалеко от Сингапура, и третье — на австралийском берегу. Его называли проклятым. Судачили, что сам Сатана побился за него об заклад. Вездесущий корсар наводил ужас на все адмиралтейство. Его имя — Триплекс. И он объявил войну целой Британской империи. Колониальные сыщики в тупике: гнаться за Триплексом — то же самое, что пытаться поймать воздух. Сам начальник тихоокеанской полиции вступает в смертельную схватку с этим неуловимым преступником. Триплексу известны многие тайны из прошлого шерифа...

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ПОЛЬ
Д'ИВУА

НЕУЛОВИМЫЙ
КОРСАР

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ПОЛЬ Д'ИВУА

НЕУЛОВИМЫЙ КОРСАР

Роман

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2019 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-7071-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с французского С. З.

Дизайнер обложки Анастасия Попова

Электронная версия создана по изданию:

Австралия, XIX століття. Він за одним заходом зруйнував три англійських поселення, одне — у Північній Америці, у Британській Колумбії, інше — в Азії, недалеко від Сінгапуру, і третє — на австралійському березі. Його називали проклятим. Подейкували, що сам Сатана пішов за нього в заклад. Повсюдний корсар тероризував усе адміралтейство. Його ім'я — Триплекс. І він оголосив війну Британській імперії. Колоніальні слідчі у безвиході: гнатися за Триплексом — те саме, що намагатися зловити повітря. Сам начальник тихоокеанської поліції вступає в смертельну сутичку з цим невпійманим злочинцем. Триплексу відомо чимало таємниць з минулого шерифа...

д'Ивуа П.

И17 Неуловимый корсар / Поль д'Ивуа ; пер. с фр. С. З. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-6291-1

Австралия, XIX век. Он в один и тот же час, в один и тот же день разрушил три английских поселения, одно — в Северной Америке, в Британской Колумбии, другое — в Азии, недалеко от Сингапура, и третье — на австралийском берегу. Его называли проклятым. Судачили, что сам Сатана побился за него об заклад. Вездесущий корсар наводил ужас на все адмиралтейство. Его имя — Триплекс. И он объявил войну Британской империи. Колониальные сыщики в тупике: гнаться за Триплексом — все равно что пытаться поймать воздух. Сам начальник тихоокеанской полиции вступает в смертельную схватку с этим неуловимым преступником. Триплексу известны многие тайны из прошлого шерифа...

УДК 821.133.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ЧАСТЬ I

КОРСАР ТРИПЛЕКС

ГЛАВА 1

Британское адмиралтейство

Четырнадцатого августа 189... года открылось очередное заседание комиссии «В» («Би»), учрежденной при адмиралтействе Великобритании. В этом месяце дома лондонской знати, как правило, пустеют. Банкиры, сановники, лорды — все, кого фортуна коснулась своей волшебной палочкой, уезжают на море. От Брайтона до Корнуолла, от Уайта до Рата все курорты кишат счастливыми семьями, которые наслаждаются отдыхом на свежем морском воздухе. Длительный переезд никого не смущает: с прилетом осенних птиц Остенде, Дюнкерк, Булонь, Мейвилль, Дьеп, Трувиль, Бретань, Дофин, Оверни и Горж-дю-Тарн наводняют клетчатые пары джентльменов и матросские шапочки молоденьких белокурых мисс.

Вот почему комиссия «В» собралась в составе лишь трех человек. Но эти трое стоили целой армии. Они никогда не отдыхали и без усталости ткали ту огромную паутину кабелей и телеграфных проводов, которой англичане мечтают опутать весь мир. Лорд Стэм, председатель, а также баронет Геликс и сэр Торпедо, члены комиссии, корпели за работой. Перья их громко скрипели, и из-под них выходили те краткие директивы, которые, облетая земной шар, нарушают людской покой. Время от времени кто-то из джентльменов поднимал голову и невозмутимо спрашивал:

— Что, если устроить небольшую смуту на побережье Меконга, чтобы отвлечь французов от Нигера?

Или:

— А не отправить ли пять тысяч ружей туземцам в Камерун, а то Германия уж слишком рьяно занялась нильским вопросом?

— Мы согласны, — неизменно следовал ответ. — All right! — И заседание продолжалось.

Однако его прервал внезапно появившийся курьер. Все трое с беспокойством посмотрели на него: видно, случилось нечто

экстраординарное, раз вопреки правилам комиссию отвлекли от дел. Посыльный держал в руках бархатную подушечку, на которой лежал конверт.

— Что такое, Симми? — недовольно спросил лорд Стэм.

— Ее Величеству прислали письмо, а она направляет его вам для подготовки ответа, в полной мере выражающего интересы Англии.

— Хорошо, давай сюда и можешь идти.

Курьер с поклоном удалился, а лорд развернул листок и прочел вслух:

— *«Одиннадцатое мая 189... года. Ваше Величество! Вы безгранично добры и никогда не причините зла кому бы то ни было, но министры Вашего Величества — люди совсем иного сорта. Они лишь кричат, что народ благоденствует, однако это неправда. Мне достоверно известно о беззакониях, которые творятся вопреки воле Вашего Величества и бросают тень на английскую корону. Начальник полиции британских колоний в Австралии, Малакке, Борнео, Новой Гвинее, Новой Зеландии и Тасмании сэра Тоби Олсмайн, занимающий роскошный особняк на Парраматта-стрит в Сиднее, сажает людей в тюрьмы, хотя ему самому там место. Чтобы не быть голословным, прошу Ваше Величество распорядиться о проведении серьезного расследования, дабы все убедились, что я прав, и тогда, надеюсь, справедливость восторжествует. Как почтительнейший слуга Вашего Величества я готов ждать перемен к лучшему в течение трех месяцев, однако если надлежащие меры не будут приняты, я сочту себя оскорбленным и, защищая свои права свободного гражданина, объявлю Вашим министрам войну. И тогда берега Тихого океана затрепещут при одном только звуке моего имени. С низжайшим почтением к Вашему Величеству, Ваш верноподданный Триплекс, в скором времени корсар, если Вам так угодно».*

Председатель закончил, и все молча переглянулись, не зная, как отнестись к дерзкой выходке неизвестного корреспондента. Лорд Стэм как председатель заговорил первым:

— По-моему, автор этого послания не в своем уме.

— Верно, — дружно ответили Геликс и Торпедо.

— All right! Так оставляем без ответа?

— Разумеется.

— Кстати, оно помечено одиннадцатым мая, а сегодня уже четырнадцатое августа, так что указанный в нем срок истек.

— Действительно.

Председатель, довольный быстрым решением вопроса, взял синий карандаш и вывел на письме обычную фразу: «По единодушному мнению членов комиссии обращение не требует ответа». Но в тот момент, когда Стэм подчеркивал директиву жирной линией, дверь опять отворилась: на этот раз на бархатной подушечке, которую держал курьер, лежало несколько бумаг.

— Каблограммы, — пояснил Симми, передал документы лорду и моментально вышел.

На лицах присутствующих отразилось недоумение. Еще ни разу за все время существования комиссии «В» ее заседание не прерывали дважды. Председатель и его коллеги взяли депеши, пробежали их глазами и повскакивали с мест.

— Вот это да! — в один голос вскричали все трое.

Лорд Стэм тщательно стер ластиком только что начертанную на письме, адресованном Ее Величеству, резолюцию и пробормотал:

— Этот Триплекс вовсе не дурак.

— Точно, — подтвердили Геликс и Торпедо.

Председатель удивленно посмотрел на них. Как могли они согласиться с ним, если он прочел текст про себя? Но, увидев в их руках бумаги, он шлепнул себя по лбу.

— Депеша прислана в трех экземплярах, так?

— Именно.

— В трех... ввиду исключительной важности.

— Совершенно верно.

— Она помечена вчерашним числом, тринадцатым августа.

— Так и есть.

— Она отправлена из Уикхэма провинции Квинсленд в Австралии?

— Тут вы ошибаетесь, — возразил баронет Геликс. — Эта депеша из Эссингтона в Британской Колумбии, из канадских владений.

— Что вы говорите?! — вскричал председатель.

— Позвольте, — вмешался сэр Торпедо, — по-моему, вы оба заблуждаетесь. Депеша из Сингапура, того, что близ полуострова Малакка.

— Взгляните сами: Уикхэм.

— А здесь: Эссингтон.

— На моей депеше ясно обозначено: Сингапур.

Все трое опять поднялись с мест и, ошеломленные, сбитые с толку, стали передавать друг другу телеграммы. В конце концов джентльмены в изнеможении упали в кресла и схватились за головы.

— Вы что-нибудь понимаете? — пролепетал председатель.

— Ничего.

— Ведь немисливо, чтобы один человек в один и тот же день, в один и тот же час был сразу в трех местах, отстоящих на тысячи миль друг от друга?

— Физически невозможно.

— Однако эти депеши не лгут.

— Нет, они передают точные сведения.

— Постарайтесь не тревожиться, господа, и во всем разобраться. — И, пододвинув к себе бумаги, до такой степени взволновавшие комиссию, председатель проговорил уже более спокойным тоном: — Я должен прочесть их вслух, громко и внимательно. — Глубже усевшись в кресле, он начал: — Первая каблограмма. *«Уикхэм, Квинсленд, тринадцатое августа. Во время отсутствия гарнизона, находившегося на маневрах, злоумышленники взорвали форт Уикхэм. На развалинах найдена приколотая перочинным ножом картонка с надписью: “Триплекс, корсар (с одиннадцатого августа)”»*. — Лорд Стэм взял следующую депешу. — Вторая каблограмма. *«Эссингтон, канадские владения, тринадцатое августа. Во время отсутствия гарнизона, участвовавшего в большой охоте, злоумышленники взорвали форт. На развалинах найдена карточка, проткнутая гарпуном: “Триплекс, корсар (с одиннадцатого августа)”»*. — Сделав паузу, председатель продолжил: — Третья каблограмма: *«Сингапур, Малакка, тринадцатое августа. Во время отсутствия гарнизона, контролировавшего рыболовный промысел, злоумышленники сожгли пост Герланг. На обугленных развалинах найдена карточка, приколотая длинной сямской булавкой, с надписью: “Триплекс, корсар (с одиннадцатого августа)”»*. — Председатель медленно положил депеши на стол и скрестил на груди руки. — Что будем делать? — спросил он слушателей.

Те в свою очередь воздели ладони к потолку.

— Что делать? Мы и сами себя об этом спрашиваем.

— Хмм, вопрос щекотливый, — задумчиво промолвил Стэм.

— Крайне деликатный.

— Мы не можем ничего предпринять.

— Совершенно верно.

— Однако необходимо какое-то решение.

— Да, это наш долг.

— Тогда... Как мы поступим?

И трое англичан, как три авгура, мрачно уставились друг на друга. Вдруг самодовольное лицо сэра Торпедо прояснилось.

— Есть один человек, который прояснит ситуацию.

— Кто? — в один голос спросили Стэм и Геликс.

— Сэр Тоби Оллсмайн, имя которого значится в письме королеве.

— О! Вы правы.

— К нему и обратимся. Он дважды причастен к данному делу. Во-первых, как обвиняемый этим вездесущим корсаром, а во-вторых, как начальник полиции английских земель тихоокеанского региона.

Настроение комиссии заметно улучшилось. Торпедо рассуждал логично: адмиралтейству не следовало тратить времени на загадки — эта обязанность лежала на чиновнике, ответственном за безопасность владений британской короны в другом полушарии. Председатель тут же положил в отдельную папку письмо, адресованное Ее Величеству, и каблограммы и велел отправить все это сэру Тоби Оллсмайну с приказанием схватить живым или мертвым разбойника, осмелившегося посягнуть на объекты, находящиеся под охраной штандартов Англии.

ГЛАВА 2

Начальник тихоокеанской полиции

— Алло! Алло! Главное полицейское управление Сиднея? С кем я разговариваю? Мэтьюби, начальник пятого отделения? Сэр Тоби Оллсмайн приказывает вам немедленно отправиться в Литл-Рок, конфисковать аппарат Фольмана и арестовать его самого. Как поняли? Отлично. Выполняйте. — И, дважды нажав на рычажок, звонивший отключил связь.

Звали его Джеймс Пак, и он состоял личным секретарем у сэра Оллсмайна. Ему было лет тридцать пять, среднего роста и довольно приятной наружности, если не считать заметного, увы, даже на глаз искривления позвоночника, вследствие чего невоспитанные люди и недоброжелатели за глаза называли молодого человека горбатым. Однако приятная улыбка, умные лукавые глаза, белокурые шелковистые волосы и щеголеватые усы с лихвой компенсировали физический недостаток мистера Пака, и случалось, бойкие сиднейские мисс со свойственной саксонской расе целомудренной откровенностью сами предлагали ему руку и сердце.

— Благодарю за честь, — неизменно отвечал он в таких случаях, — но у меня пока нет времени на личную жизнь.

Действительно, молодому человеку некогда было подумать о женитьбе: он день и ночь проводил в обширном павильоне частного владения сэра Оллсмайна среди телефонных, телеграфных, фототелеграфических, акустических и иных аппаратов, которые соединяли резиденцию начальника тихоокеанской полиции с главным управлением в Сиднее и — посредством дарвинского, суматрского, новозеландского и тасманского кабелей — со всем миром.

Иногда сутки напролет Пак переговаривался и обменивался депешами с полицейскими, рассеянными по всем берегам Тихого океана. Он принимал рапорты, передавал инструкции начальства — словом, следил за правильным действием сложного полицейского

механизма, обеспечивающего здесь, как и в других колониях, политическое могущество Англии.

Едва мистер Джеймс отошел от телефона и сел за свой стол, как один из сотрудников его отдела, куда входили дактилографисты и канцеляристы, работавшие с документами, спросил его:

— Вы сказали, мистер Пак, что приказано арестовать Фольмана?

— Да, Дик, вы не ослышались.

— Того самого, который, используя свойство икс-лучей, изобрел фотоаппарат, позволяющий снимать кости скелета?

— За это Фольмана и арестуют. Вот посмотрите, — протянул Пак собеседнику небольшой снимок.

— Забавная фотография! — воскликнул дактилографист. — Вместо ноги протез, вставные челюсти, а нос...

— С металлической пластинкой. Так выглядит полковник Эвис. Снимок сделан аппаратом Фольмана.

— Ну и чудовище! — расхохотались служащие. — Ночью увидишь — испугаешься.

— Вот именно. Поставьте себя на место полковника. Он рассвирепел, — продолжал Пак, — и подал жалобу, потребовав извинений за публичное оскорбление, связанное с глумлением над его физическими недостатками. Эвис имеет высокопоставленных покровителей в Англии, и сэру Оллсмайну ни к чему с ним ссориться, в особенности теперь, когда, несмотря на категорические директивы адмиралтейства, мы не можем схватить неуловимого корсара Триплекса.

Сотрудники погрузнели.

— Ничего, — заявил кто-то из них, — этот разбойник сполна получит за все, что натворил.

— Негодяю, видно, сам черт ворожит, — нахмурился Пак. — Наверное, сатана побился за него об заклад. И знаете, что я думаю, — прибавил он, переходя на шепот, словно опасаясь невидимых шпионов, — этот корсар какой-то вездесущий. В один и тот же день и час он срыл с лица земли три английских поселения: одно — в Британской Колумбии, в Канаде; другое — в Азии, недалеко от Сингапура; третье — тут, на австралийском побережье.

— Ну да, вот почему адмиралтейство всполошилось и засыпало нас приказами.

— А вчера утром пришли депеши из Новой Зеландии, с Борнео и Цейлона. Оказывается, в прошлую ночь Триплекс одновременно появился в этих трех местах, захватил по одному чиновнику, высек их до потери памяти розгами и при каждом оставил записку: *«Во имя справедливости корсар Триплекс прибег к телесному наказанию подчиненных Оллсмайна в ожидании, пока не доберется до него самого»*.

Канцеляристы недоуменно переглянулись.

— Неужели корсар собственноручно их высек? — пробормотал один из них.

— Опасная у нас профессия, — посетовал письмоводитель и с придыханием спросил: — А видел кто-нибудь этого дьявола во плоти? Каков он из себя?

— Тсс! Ну его к черту! — замахали руками другие клерки. — Чем больше подробностей мы узнаем об этом бандите, тем больше будем его бояться.

— Его видели, — сухо обронил Джеймс Пак. — Триплекс носит флотский мундир и широкий плащ.

— А лицо у него какое?

— Лица никому не удалось разглядеть — он прячет его под зеленой маской.

— Зеленая маска?! Ужас! Господи помилуй!

Сотрудники Пака так перепугались, что подскочили на стульях, когда внезапно отворилась дверь. Но их страх оказался напрасным: на пороге стоял не страшный корсар, а сэр Оллсмайн собственной персоной. Это был человек высокого роста и плотного телосложения, его широкое лицо обрамляли густые бакенбарды, голубые водянистые глаза смотрели жестко и цинично. Похоже, начальник тихоокеанской полиции находился в крайнем раздражении. Предчувствуя грозу, канцеляристы моментально уткнулись в бумаги, послышались шелест листов и частая дробь пишущих машинок.

— Что нового, мистер Пак? — поинтересовался Оллсмайн.

— Ничего особенного, сэр.

— Зато у меня есть новости! — гневно воскликнул начальник. — Новости, от которых впору свихнуться! — Он нагнулся к уху секретаря и произнес, понизив голос: — Вчера я общался с лордом

Болдкином, адмиралом тихоокеанской эскадры. Согласно приказу все суда мобилизованы, на всех принадлежащих Англии берегах сосредоточены десантные формирования. Лорду с целью защиты австралийских берегов предписывалось выйти в море на броненосце «Айрондюк». Незадолго до восхода адмирал стоял на палубе в ожидании прилива, чтобы покинуть военный порт Фарм-Коув. Вдруг откуда-то с неба на палубу упал деревянный ящичек вроде пенала. Его открыли и нашли там вот это письмо. Болдкин передал мне его.

Оллсмайн протянул Паку листок, и секретарь с удивлением прочел вслух следующее:

— *«Благородный лорд! Вы напрасно тратите время, так как против Вас лично я ничего не имею. Конечно, Ваш долг — выполнять приказы командования, но Вам не удастся помешать мне наказать Оллсмайна, как он того заслуживает. Корсар Триплекс».* Что это такое, сэр? — недоуменно воззрился Джеймс Пак на начальника.

— Чертовщина какая-то, — усмехнулся Оллсмайн. — Лорд распорядился зажечь прожекторы и осмотреть весь порт, но никто не заметил поблизости ни барки, ни лодки. Экипаж в панике, матросы ведь такие суеверные! Такое впечатление, что странное письмецо в деревянном ящичке прилетело по воздуху. Может, его сбросил летучий демон?

— Да, больше ничего не приходит в голову, — пожал плечами секретарь.

— Но вы ведь не верите в сверхъестественные силы? — строго спросил сэр Тоби.

— Разумеется, не верю. Но объяснить этот случай не могу.

— И я тоже.

— Не лучше ли повторно объявить в газетах о награде в четыре тысячи фунтов стерлингов за выдачу Триплекса?

— Первое объявление размещено еще неделю назад, и что толку? Мы топчемся на одном месте.

— Надо подождать, сэр.

— Ждать, опять ждать! Адмиралтейство нас за это по голове не погладит! Вы же знаете, что наглый подонок дерзнул написать лично Ее Величеству!

— Что же делать? — промямлил Джеймс.

Вместо ответа Оллсмайн поморщился и развел руками, выражая свою беспомощность, но тут раздались два несильных удара в дверь. Треск пищущих машинок смолк, как по мановению волшебной палочки.

— Войдите, — распорядился начальник полиции.

В комнату проскользнула элегантная грациозная дама в простом черном платье. Лицо ее в ореоле белокурых волос выглядело еще молодым и довольно привлекательным, но тусклый блеск голубых глаз показывал, что женщина часто плакала, а легкие морщинки на лбу выдавали ее привычку к невеселым раздумьям.

— Леди Оллсмайн... — зашептали клерки, поднимаясь с мест и кланяясь вошедшей.

Шеф полиции нетерпеливо повел плечом.

— Джоан? Я не ожидал увидеть вас в конторе, — сухо промолвил он.

— Да, конечно, мне тут не место, — кротко ответила женщина, — но поверьте, я не явилась бы сюда без важной причины.

— Что-то стряслось?

— Корсар Триплекс... — чуть не всхлипнула женщина.

Оллсмайн побледнел и, с трудом сдерживая брань, машинально сунул руку за револьвером, который всегда носил в кармане мундира.

— Пойдемте в гостиную, — предложил он, — и спокойно побеседуем.

Кивком головы сэр Тоби велел и Паку следовать за ними. Все трое вышли из павильона, предоставив сотрудникам канцелярии строить самые невероятные предположения.

Мужчины и дама миновали длинный коридор и вошли в уютную золотисто-белую залу, уставленную красивой мебелью. На одном из бархатных пуфов, скрестив ноги, сидел подросток лет пятнадцати и сосредоточенно сворачивал из большой желтой афиши нечто вроде головного убора. На мальчике ловко сидела потертая коричневая курточка, загорелые ноги в коротких панталонах без чулок были обуты в старенькие желтые башмаки с выцветшими голубыми шнурками. Лицо его с тонкими правильными чертами, прямым носом, аккуратным ртом, высоким чистым лбом и густыми белокурыми локонами, выбивавшимися из-под лихо сдвинутого на затылок берета, выглядело привлекательно. Да и вся наружность мальчика носила бы

отпечаток благородного изящества, если бы не глуповатый взгляд больших темно-зеленых глаз, — так обычно смотрят люди с помраченным сознанием.

— А, это Силли, — шепнул Джеймс начальнику.

— Какой Силли? — нахмурился тот.

— У него не все в порядке с головой; живет милостыней, бродя по Сиднею и появляясь то здесь, то там...

Сэр Тоби недовольно взглянул на жену.

— Вы хотите знать, зачем я привела сюда этого ребенка? — ответила она на его немой укор. — Сейчас объясню. Моя подруга Элида Льюис хворает, и сегодня в час дня я велела запрячь двухместную коляску, чтоб поехать навестить больную. Когда я возвращалась назад, путь экипажу преградили портовые рабочие. Они столпились вокруг мальчика и отпускали всякие грубые шутки.

При этих словах Джоан посмотрела на Силли, который, ни на кого не обращая внимания, продолжал мастерить из афиши шляпу и приделывать к ней перо.

— И вы его забрали, дорогая? С какой целью?

— Подождите, я не закончила. Дело в том, что Силли с серьезнейшим видом приклеивал к стене здания одну из этих афиш.

И, пользуясь тем, что мальчик, стоя перед зеркалом, с довольной физиономией примерял свою бумажную шляпу, Джоан взяла с пуфа другую афишу, развернула и протянула мужу и Джеймсу. Они прочли такой текст:

«Братья мои, жители Сиднея!

Власти и газетчики напрасно запугивают вас моим именем. Вам нечего бояться. Я веду войну лишь с начальником тихоокеанской полиции, который недостойн представлять закон, а наоборот, сам заслуживает того, чтобы попасть в руки правосудия. Надеюсь, рано или поздно так и случится. Вам же, граждане, справедливый корсар Триплекс не причинит никакого зла».

Оллсмайн побагровел и покосился на мальчишку, все еще кривлявшегося перед зеркалом, но Джоан остановила мужа решительным жестом:

— Подождите ругаться. Ребенок не в себе и не несет ответственности за свои поступки. Мне же он оказал услугу.

— Вам? Услугу? — сквозь зубы процедил Оллсмайн.

— Да. Когда рабочие окружили экипаж, мальчик выручил меня. В толпе закричали: «А, видно, полиция наложила в штаны и посылает сражаться с корсарами женщин!» Я забеспокоилась, а Силли, заметив это, поставил на землю ведро с клеем, бросил кисть и одним прыжком очутился на подножке. Усевшись рядом со мной в коляске, он около минуты с интересом меня разглядывал, а потом вдруг тихо произнес: «Ты добрая, очень добрая, и Силли за тебя заступится. Дай сюда руку!» Я протянула ему руку, и он поднес ее к губам. Толпа захохотала: «Браво, Силли, браво, дамский угодник!» Но мальчик выпрямился, глаза его засверкали, а ноздри задрожали. «Держите язык за зубами! — крикнул он. — Женщин надо защищать! Силли заступится за эту даму и никому не даст ее в обиду!» Вот так.

— Нечего сказать, рыцарь, — недовольно проворчал Оллсмайн.

— Он очень помог мне. Народ относится к слабоумным с суеверным уважением. Толпа мгновенно расступилась и пропустила коляску. А Силли так и сидел со мной рядом всю дорогу, держал меня за руку и повторял: «Добрая, ах какая добрая!» Я привезла его сюда в надежде, что вам удастся выведать у бедняжки, кто поручил ему расклеивать дурацкие афиши.

— Вы правы, дорогая. Мы сейчас расспросим этого молодца. Вы согласны, мистер Пак? — И сэръ Оллсмайн, подойдя к мальчугану, бесцеремонно хлопнул его по плечу. — Силли, послушай-ка, дружок!

Ребенок вздрогнул и обернулся.

— Здравствуйте, джентльмен, — сдавленно произнес он. — Вообще-то, у меня мало времени: надо успеть примерить генеральскую шляпу.

— Я не про это, приятель. Сегодня ты приклеивал к стенам вот эти бумажки.

— Какие бумажки? — сделал круглые глаза мальчик. — Ах да! — радостно улыбнулся он, словно что-то припоминая. — У меня была большущая кисть, и я обмакивал ее в ведро. — Вдруг он запнулся и стал беспокойно озираться. — Где же оно? Я потерял его! Ведро... ведро... — чуть не плача заметался мальчик по комнате, заглядывая под столы и стулья.

— Ну-ка постой! — раздраженно закричал сэр Оллсмайн. — Черт с ним, с твоим ведром! Разве о нем речь?

— О нем, о чем же еще? Если бы вы только видели мое ведро! Туда был налит клей, и солнце искрилось на блестящей поверхности.

— Пусть себе болтает, иначе мы ничего от него не добьемся, — шепнул Джеймс начальнику.

— Помогите мне, у меня не хватает выдержки слушать эту ахинею.

— Да-да, позвольте, я с ним поговорю, — предложил секретарь, подошел к мальчику и осторожно взял его за локоток. — Не беспокойся, Силли, тебе дадут другое ведро.

— Другое ведро? — просиял ребенок. — Неужели? Вы не обманете?

— Что ты! Оно будет еще больше, чем прежнее.

— И с клеем? И с кистью? — недоверчиво взглянул мальчик на леди Оллсмайн, словно ища поддержки. — Правда?

— Правда, — подтвердила Джоан.

— Раз она говорит — «правда», тогда я вам верю. Когда вы мне дадите это ведро?

— Как только ты ответишь на мой вопрос.

— Силли всегда отвечает, если его спрашивают. Силли честный! — ткнул себя в грудь мальчик.

Джеймс плутовато подмигнул шефу, а вслух произнес:

— Сегодня утром, дружок, ты наклеивал на стены афиши. Зачем?

— Потому что это весело. Вы разве не любите клеить бумагу?

— Мне некогда, я занят на службе.

— Ну и плохо. А у меня много времени.

— Кто же тебя попросил об этом?

— Как кто? Один дяденька.

— Какой?

— Я не знаю, как его зовут.

— А как он выглядел?

— Как все обычные люди. А, у него еще это... ноги длинные... Он бегал.

Сэр Тоби досадливо поморщился, полагая, что от малолетнего идиота ничего не добьешься. Однако секретарь предпринял новую попытку.

— Что тебе сказал длинноногий дяденька?

— «Силли, возьми ведро, кисть, листы и наклей их на стены. Это так забавно!»

— И все?

— Вроде бы, все. То есть нет, не все! — внезапно хлопнул ребенок себя по лбу. — Я совсем позабыл, что дяденька велел мне отнести письмо сэру... этому, как его? Тоби Оллсмайну.

Начальник полиции и его секретарь тревожно переглянулись, а Силли пошарил в кармане курточки и вытащил измятый конверт, на котором крупными буквами было выведено: «Сэру Тоби Оллсмайну лично в руки».

— Вот оно! — с довольным видом покрутил его в руке мальчик.

Сэр Тоби хотел выхватить конверт, но мальчишка резко отпрянул в сторону.

— Не отдам! — крикнул он. — Письмо для сэра Оллсмайна.

— Я и есть сэр Оллсмайн, — ледяным тоном процедил начальник полиции.

— Это правда, дитя, — ласково кивнула Джоан. — Отдай, пожалуйста.

— Если так, то нате, — согласился мальчик.

Оллсмайн дрожащими пальцами надорвал конверт и вперился в строчки, а Джоан и Джеймс засуетились, заглядывая ему через плечо, чтобы поскорее узнать содержание послания. В нем говорилось:

«Ваше превосходительство! Корсар Триплекс заставил меня расклеивать его прокламации, и под страхом смерти я подчинился. Но я не желаю оставаться в когтях этого чудовища. Нынче вечером после распродажи товаров в доках будет праздник. Триплекс там появится. Примите меры к его аресту. Дайте сигнал, если нужна моя помощь, — я укажу Вам злодея. Держите эту информацию в секрете, умоляю Вас. Любое неосторожное слово грозит мне, Вашему покорному слуге, гибелью».

Из груди начальника полиции вырвался крик торжества, переходящий в вопль.

— Сегодня же этот мерзавец попадет в наши руки! — заверил он. — Вы были правы, мистер Пак, рассчитывая на эффективность

обещанного через газеты вознаграждения. Пираты удерживают людей в повиновении одними лишь деньгами. Мы должны сражаться с разбойниками их же оружием. Что ж, думаю, праздник в доках удастся на славу. Пойдемте, мне нужно отдать вам кое-какие распоряжения.

Секретарь поклонился, но, прежде чем последовать за боссом, приблизился к Силли, который стоял у окна, выходящего в парк, и внимательно рассматривал клумбы.

— Прощай, дружок, — сказал Пак. — Ты славный мальчуган, дай пожму твою руку.

И, стискивая ладошку мальчика, Джеймс ловко сунул в нее какой-то предмет, который Силли шустро спрятал в кармане, чего никто и не заметил. Как только джентльмены вышли, Силли подбежал к леди Джоан.

— А ведро? — заканючил он. — Ты обещала Силли ведро!

Джоан улыбнулась и погладила мальчика по голове:

— Пойдем со мной, Силли. Сначала позавтракаешь, а потом получишь игрушку, которая так тебе понравилась. Ты голоден?

— Да, ты такая добрая, просто прелесть! Силли часто хочет кушать, и теперь тоже. Ты славная, замечательная леди!

Сердце миссис Оллсмайн сжалось от такого милого и простодушного выражения благодарности. Она привлекла сироту к себе, поцеловала в лоб и увела в свои комнаты в другом конце здания.

ГЛАВА 3

Прогулка Силли

Велев Силли вымыть руки и усадив его за стол, миссис Оллсмайн распорядилась подать холодного цыпленка, на которого мальчуган набросился с редкостным аппетитом, запивая куски мяса охлажденной кипяченой водой.

— Не желаешь ли капельку вина? — предложила леди Джоан, но подросток сделал отстраняющий жест.

— Не-а, — заявил он. — Вино — гадость... От него Силли теряет голову...

Молодая женщина с нежностью посмотрела на несчастного, больного, обездоленного мальчика, проникаясь к нему все большей симпатией.

Утолив голод, Силли с любопытством оглядел комнату. Сначала его внимание привлекла кровать черного дерева с инкрустациями из слоновой кости, потом надкаминное зеркало в красивой, с художественным вкусом выполненной раме и наконец картина на противоположной стене, изображавшая девочку лет двух или трех, стоявшую на скамеечке у подножия статуи. Склонившийся над ней ангел словно бы любовался ребенком. Ярко-розовое платье девочки красиво выделялось на спокойном беломраморном фоне и удачно гармонировало с зеленью пейзажа. Джоан заметила, что мальчик любит полотно, и на ее лицо набежало облачко грусти.

— Кто эта крошка? — спросил Силли.

— Это... моя дочка Маудлин, — ответила женщина, с трудом сдерживая слезы. — Была...

Силли подошел к леди Джоан и взял ее за руки.

— Ты плачешь, — прошептал он. — А почему? Силли не знает. Может, потому что детка перестала быть твоей? Я живу без матери, один во всем свете. Мои родители — лесные птицы да полевые цветы. Прости меня, если я болтаю чепуху...

В голосе мальчика звучало неподдельное сострадание, и Джоан инстинктивно прижала сироту к сердцу.

— Не бойся, бедняжка, — улыбнулась она. — Ты не сказал ничего дурного. Ты пока не знаешь, что такое смерть. Маудлин нет на свете. Когда-то давно она упала в речку и утонула. Ее унесло течением, тельце так и не нашли. Я не уберегла свою девочку, и мне ужасно горько. Я плачу, потому что никогда больше не увижу и не поцелую ее, понимаешь? А ты почему расстроился?

— Да, Силли тоже плачет, ведь его никто не ласкал так, как ты.

Женщина не утерпела и зарыдала, еще крепче прижимая к груди белокурую голову мальчика, и промолвила, охваченная внезапным порывом:

— Мать без ребенка, ребенок без матери. Не само ли Провидение соединяет эти осколки разбитых жизней, не сама ли судьба стремится исправить непоправимое? Силли, оставайся у меня, — решительно добавила она.

Мальчик поднял на женщину полные слез глаза. Лицо его на миг озарила счастливая улыбка, но потом на него словно бы легла тень.

— Нет, Силли нужна свобода, — по-взрослому заявил он. — Ему нужна дорога, где солнце золотит пыль, горы, где в ущельях рычит ветер, луга, где пасутся большие рыжие быки. Нет, Силли не сможет жить в этом доме. И вообще мне пора идти, — спохватился он. — Слышишь, море поет? Оно зовет меня... Это мой лучший друг. Часто, когда Силли голодает, море приносит ему раковины. Мы с морем любим друг друга.

Джоан молчала, погружившись в раздумья; в ней как будто зарождалось новое необъяснимое чувство. Ей казалось, что, покидая ее, мальчик уносит с собой частицу ее сердца. Женщина снова попыталась удержать его.

— Подожди, дорогой, я ведь обещала тебе ведро.

— Да, но потом. Я скоро вернусь. Силли вернется, не сомневайся. Он — твой друг. Он станет на колени возле твоего стула и будет смотреть на тебя. Ему хорошо, когда он на тебя глядит.

Помедлив минутку, мальчик сделал над собой усилие, чтобы все-таки уйти. Он в последний раз поднес к губам руку леди Джоан и бросился

к дверям. Через минуту он уже вприпрыжку мчался по городским улицам к порту.

Джексон — один из крупнейших в мире портов. Он включает три бухты: Фарм-Коув, где рассредоточен военный флот тихоокеанской эскадры; Сидней-Коув, к Круговой набережной которой подходят европейские почтовые корабли; и Дарлинг-Харбор, куда причаливают коммерческие суда. Именно туда и спешил Силли.

Добежав до места, он уселся на широких плитах набережной и с любопытством воззрился на окружающую картину. Напротив него на восточной стороне бухты вздымались пристани, верфи и склады разных морских компаний — средоточие всей городской торговли. Дальше, на высотах, виднелись профили фортов Мидл-Хэд и Джордж-Хэд с сильными батареями, охранявшими Сидней от внешних врагов. В углу набережной, где поднимался лес мачт, украшенных разноцветными флагами, вечером должна была состояться ежегодная распродажа товаров, залежавшихся в доках, а затем — массовое гуляние. Изредка долетавшие звуки музыки свидетельствовали о том, что вокруг складов уже суетятся иностранцы. В той стороне, где сидел Силли, в порту кипела работа. Огромные скрипучие краны безостановочно сгружали ящики с товарами, доставленными из разных концов света. С головокружительной скоростью проносились на велосипедах курьеры. Пыхтели и гремели автомобили.

Мальчик спокойно просидел около часа, после чего побрел вдоль берега, изредка нагибаясь и подбирая гольши. У лестницы, ведущей к морю, он ненадолго задержался, а затем стал не спеша спускаться. На нижней ступеньке он снова уселся и принялся швырять в море камни, следя за расходившимися по воде кругами. Любой встречный, кто увидел бы Силли сейчас, принял его за придурка, которому нечем заняться, вот он и слоняется без дела, вытворяя всякие шалости. Однако внимательный наблюдатель усмотрел бы в действиях мальчика определенное намерение.

Внезапно его тусклый взгляд оживился вполне разумным выражением, и Силли покрутил головой, чтобы убедиться, что никто не обращает на него ни малейшего внимания. Лишь два матроса,

проходя поодаль, взглянули в его сторону, присвистнули и рассмеялись.

— Созерцатель, — презрительно бросил один из них. — Наверное, готовится в философы. Ха-ха-ха!

— Какие философы? Это же наш портовый дурачок, — хохотнул второй.

Они пошли своей дорогой, а Силли и бровью не повел, что разобрал их болтовню. Едва шаги затихли, мальчишка наклонился к воде и опустил туда руку, словно что-то нашаривая. Внезапно он вытащил пробку, привязанную к бечевке, другой конец которой прятался где-то на дне. Еще раз оглядевшись, мальчик достал из кармана предмет, который получил в доме сэра Оллсмайна от Джеймса Пака. Этот оказался небольшой металлический цилиндр. Силли крепко привязал его к пробке и трижды дернул за бечевку. На губах его мелькнула довольная улыбка. Он выпустил бечевку, цилиндр скользнул в море и, крутясь, исчез под водой. Швырнув туда еще несколько камней, Силли как будто заскучал и взглянул на семафор: сигнал указывал на скорое прибытие в Сидней-Коув почтового парохода. Мальчик быстро поднялся по лестнице и устремился к Круговой набережной. Зачем? Может, решил поглазеть на пассажиров из Европы? Он ловко огибал нагромождения тюков и ящиков, кивая приветствовавшим его портовым рабочим. Все они знали, любили и жалели мальчика, в красивую голову которого природа забыла вложить разум. А Силли порхал, насвистывая охотничью песенку, беззаботный и грациозный, как полевая птичка. Вдруг он вздрогнул, заметив Джеймса Пака, беседовавшего на углу с постовым полицейским. Мальчик хотел прошмыгнуть мимо, но секретарь сэра Оллсмайна окрикнул его:

— Силли, привет!

— Здравствуйте, сэр.

— Разве ты не у леди Оллсмайн?

— Нет, мне пока не надоела свобода.

— Прогуляешься со мной сегодня вечером?

— По рукам, сэр.

— Вот и чудесно. Приходи в девять на Парраматта-стрит.

— Это где дом доброй леди?

— Ага, я свожу тебя в доки. Хочешь на праздник?

— А там будут балаганы и велосипедные гонки?

— Конечно! Так до вечера, дружище.

— Прощайте, сэр.

Силли двинулся дальше, а Джеймс Пак пояснил полицейскому:

— Это тот самый шустряга, который навел нас на след корсара Триплекса. Надо побаловать парнишку за его услугу, да вдобавок он поможет нам опознать того длинноногого субъекта, который дал афиши и велел их расклеивать.

В знак согласия страж порядка наклонил голову и внимательно посмотрел вслед мальчугану, но тот был уже далеко, петляя по тесным улочкам, где толпилось рабочее население порта. Рыбаки, тут и там загромождая дорогу, чинили сети; из открытой двери кабака воняло виски и джином, а внутри теснились, оглашая окрестности крепкой бранью, подвыпившие матросы. Поодаль женщины-соседки, собравшись в кружок, сплетничали, позабыв про хозяйственные заботы и махнув рукой на пьянство своих мужей. Николько не замедляя шаг, Силли удачно маневрировал между этими группами и очутился на Круговой набережной как раз вовремя: просигналившее европейское судно уже подходило к пристани.

Пока с парохода спускали сходни, комиссионеры, гарсоны из отелей и переводчики устроили несусветную толкотню; каждый изо всех сил работал локтями, стараясь пролезть в первый ряд. Над набережной стоял невообразимый гул: размахивая руками, люди что-то выкрикивали, спорили, ругались, смеялись и даже пели. При виде Силли какой-то толстый носильщик, ослабившись, завопил:

— Иди сюда, дурачок! Подмогнешь нам, без тебя не справимся. Нам нужны такие силачи!

Окружающие захохотали над глупой шуткой, но мальчик нисколько не смутился и ответил:

— Силли не силач, он не бык, но все-таки может поднести чей-нибудь чемодан, чтобы заработать себе на краюшку.

Носильщики разом прекратили смеяться. Они были грубые, но незлые люди, и, наверное, им стало неловко от того, что хилый парнишка-сирота так просто заявил о своем праве на жизнь и кусок хлеба. В то же время никто не собирался уступить Силли место под солнцем, и, когда пассажиры начали сходить на пристань, вся портовая

беднота, стекшаяся сюда, чтобы разжиться хоть несколькими пенсами, ринулась на чемоданы, свертки и саквояжи приезжих. Воздух загудел от назойливых возгласов:

— Не угодно ли комиссионера, леди?

— Позвольте ваш чемоданчик, сэр!

— Пожалуйте к нам в «Royal», милорд! Умеренные цены!

— «Павильон-отель»! Очень удобно! Каждый вечер музыка и танцы!

— Приглашаем в «Музпарк»! Отличный сервис! Лучшие отзывы!

«Пуф-пуф-пуф!» — пыхтели омнибусы, куда уже загружали багаж расторопные носильщики. Сбитые с толку, с растерянным видом, путешественники, не разбирая дороги, мчались за своими провожатыми к экипажам. Лишь один джентльмен и две дамы стояли в стороне от всеобщей суеты. Они-то и привлекли внимание Силли. Худощавое лицо, слегка насмешливый вид, закрученные кверху усы и общее выражение доверчивости и открытости во взгляде выдавали в молодом мужчине француза. Обе его спутницы очень понравились мальчику. В одной, стройной блондинке с нежно-персиковым личиком и бархатистой кожей, легко было узнать англичанку, другая, смуглая брюнетка с большими темными глазами, легкой грацией движений напоминала антилопу.

Джентльмен со спокойной улыбкой отвел руки носильщиков от чемодана, который держал в руке, затем, не торопясь, выбрал глазами двух сильных парней и дотронулся до них тросточкой.

— «Centennial Park Hotel», — сказал он.

— Омнибус битком набит, джентльмен.

— Не страшно, пойдем пешком. У нас всего три чемодана, мы колесим по свету ради развлечения и налегке, а если что-то необходимо, покупаем в дороге.

Надо заметить, что австралийцы перемещаются в основном по делам, поэтому люди, путешествующие для удовольствия, пользуются тут особым уважением. Если человек ездит не ради добывания денег, значит, он имеет их в достаточном количестве. А в Австралии, как и повсюду в мире, богатство внушает почтение — вот почему носильщики, с готовностью схватив багаж, расторопно двинулись вдоль набережной.

— Оретт, поспеши! Лотия, пойдете! — пригласил молодой человек своих спутниц.

— Иду-иду, милый мой Арман, — ответила англичанка.

— А вы, Лотия?

— И я тоже, господин Лаваред, — отозвалась вторая дама.

Силли внимательно вслушивался в их разговор, не пропуская ни единого слова. На лице мальчика отобразилось что-то вроде умиления — такими приятными показались ему эти иностранцы.

— Лотия, Оретт, Арман Лаваред, — пробормотал мальчик, подскочил к молодым путешественникам и попытался забрать у брюнетки маленький саквояж, причитая при этом, как жалкий нищий: — Силли понесет ваш багаж, мисс... Всего два пенса!

— Кто это? — удивился француз, обращаясь к носильщикам.

— Наш портовый дурачок Силли, простодушный и безбидный, — оборачиваясь, пояснил один из них. — Вы сделаете благо, сударь, если дадите парнишке возможность заработать на кусок хлеба.

— Ладно, бери саквояж, приятель, и иди за нами.

Силли важно поклонился и побрел за приезжими, которые оживленно беседовали на ходу, не обращая ни на кого внимания.

— Господин Лаваред, — озабоченно спросила Лотия, — так, по-вашему, нам повезет в Сиднее?

— Я уверен в этом.

— Вы полагаете, мы найдем...

— Кузена Робера? А как же? Сами посудите, — прибавил он, заметив выражение сомнения на лице своей спутницы, — ведь мы уже практически напали на след нашего беглеца. В тот день, когда он от нас уехал, я вдруг вспомнил, что я не кто-нибудь, а парижский репортер. Правда, после женитьбы на Оретт я немного отвлекся от прежних занятий, но теперь обстоятельства изменились — и я готов заявить о себе во весь голос. Уверяю вас, мы найдем нашего несчастного друга.

— Да, пожалуй, вы правы. Ведь это благодаря вам мы узнали, что в Бриндизи Робер сел на сиднейский пароход и не сходил на берег ни в Порт-Саиде, ни где-либо еще.

— Вот-вот, следовательно, именно тут конечный пункт его странствия...

— Мы наверняка отыщем твоего кузена, Арман, — с милой улыбкой прощбетала Оретт, но Лотия покачала головой:

— Есть одно «но». Мы не можем обратиться к властям. Роберу нельзя попадаться в руки полиции.

— Пойдите, пойдите! — весело перебил репортер. — У нас два разных дела. Первое и самое трудное — найти кузена. В этом стражи закона помогут нам с особым усердием. Второе — вырвать Робера из рук полиции. В Австралии, как, впрочем, и в Европе, это — сущие пустяки. Требуется лишь немного ловкости.

— Каков же ваш план? — спросила Лотия.

— Завтра я пойду к начальнику тихоокеанской полиции, а вас, мои дорогие, прошу об одном: не беспокойтесь.

Путешественники вслед за носильщиками подошли к огромному зданию, высившемуся внушительной громадой над великолепными старинными садами, от которых отель и получил свое название¹. Через пять минут к услугам иностранцев был шикарный номер из нескольких комнат со всеми новейшими устройствами для комфортного проживания, включая телефон, электроприборы и пианино. Портье предупредил, что в салоне на этаже имеется фонограф, и, если гости пожелают отобразить свои впечатления в звуковой форме, то при отъезде им вручат фонограмму с записью, чтобы, вернувшись на родину, они могли послушать ее и вновь испытать положительные эмоции.

Носильщики, в том числе и Силли, сложили багаж и, получив положенную плату, откланялись. Но перед этим мальчик с наивным любопытством обошел все комнаты, заглядывая в каждый угол, чем изрядно насмешил француза и его спутниц.

— Что же, дорогие леди, — вздохнул Арман, когда все посторонние наконец-то удалились из номера, — завтра мне предстоит встреча с органами местного правопорядка. Письмо начальнику тихоокеанской полиции я составил заранее, еще на корабле. Позвольте ознакомить вас с ним, так как мне важно ваше мнение.

Обе женщины кивнули, и Лаваред приступил к чтению.

¹ Centennial Park (англ.) — Столетний парк. — Здесь и далее примеч. ред.

ГЛАВА 4

Послание

«Начальнику тихоокеанской полиции,
его превосходительству сэру Тоби Оллсмайну.

Мы, нижеподписавшиеся, мистер Арман Лаваред, парижский репортер и хроникер, побивший рекорд кругосветного путешествия (имея в кармане два с половиной пенса, я за год обогнул весь земной шар), моя жена, миссис Оретт Лаваред, урожденная Мирлитон, и мисс Лотия Хадор, имеем честь сообщить вашему превосходительству следующую информацию.

Вам, разумеется, известно, какое неприятие вызывает политика Великобритании в Египте. В стране сформировалась партия, имеющая целью восстановление независимости долины Нила. Танисы и Хадоры, два знатных и непримиримо враждебных рода, в течение долгих лет мешали египтянам обрести национальное единство. Наконец последний потомок Хадоров, презрев ради блага отечества вековую ненависть, решил выдать свою единственную дочь Лотию замуж за последнего представителя Танисов. Таким образом, вражде был бы положен конец и египтяне воссоединились бы под одним знаменем.

Мисс Лотия проживала в Париже, где поселился и Танис, причем за ним тайно следили английские агенты. Юноша получал от британского правительства регулярное содержание и быстро привык к свободе, праздности и европейским ценностям. Поэтому узнав от своего соотечественника, посланца Хадора по имени Ниари, о той ответственной роли, которая ему отводится в предстоящем национальном восстании на родине, молодой египтянин струсил и обратился за защитой в английское посольство.

В адмиралтействе сочли, что даже если Танис официально откажется от участия в борьбе за независимость, восстание в Египте все равно вспыхнет и повлечет за собой кровопролитную и дорогостоящую

войну, что противоречит интересам Англии. Танису велели для виду согласиться на отведенную ему роль, но потянуть время, пока ему подыщут замену, — человека, обстоятельства рождения и образ жизни которого позволят выдать его за Таниса. Ниари взялся содействовать этой подмене, а в дальнейшем планировалось арестовать лже-Таниса в Египте и депортировать из страны. В итоге египетские повстанцы лишились бы своего вождя, заговор потерпел бы неудачу, а настоящий Танис, трус и изменник, продолжал бы вести в Париже сытое и безбедное существование.

Ниари проявил редкую изобретательность и нашел на роль лже-Таниса некоего Робера Лавареда, уроженца Южного Алжира, выросшего на одной из ферм в тридцати милях от Уарглы. Робер — сирота, не имеющий иных родственников кроме меня, — я прихожусь ему кузеном, но долгие годы мы не виделись и не общались. Разумеется, такой человек как нельзя лучше соответствовал требованиям адмиралтейства.

Все шло строго по плану. Робера втянули в египетский заговор и объявили женихом мисс Лотии Хадор. Затем он был арестован английской полицией и выслан в Западную Австралию, откуда бежал ввиду ряда обстоятельств — слишком запутанных, чтобы говорить о них в данном письме. Но если коротко, Робер Лаваред вернулся в Париж и застрелил настоящего Таниса на дуэли. Он полюбил мисс Лотию Хадор, и она ответила ему взаимностью. Робер собирался жениться на ней и спокойно зажить, как простой французский гражданин. Увы, его беды только начинались...

Для поддержания хрупкого мира в Египте Англии требовался Танис, живой и невредимый, и британским властям удалось добиться от официального Парижа, чтобы моего кузена лишили французского гражданства, которое он якобы получил по ошибке и недосмотру, на самом же деле является подданным Египта. В итоге Робер потерял имя, национальность и честь. Отныне его вынуждали изображать из себя негодяя, хотя он презирал труса Таниса и наказал его за измену родине, что, на наш взгляд, вполне заслуженно. Ваше превосходительство, это вопиющая несправедливость! Ведь ни один порядочный человек не согласится жить под чужой личиной, в особенности — предателя.

Чтобы жениться на мисс Лотии, Роберу Лавареду необходимо вернуть честное имя и обрести национальность, но все наши попытки в этом направлении оказались тщетными: английские чиновники совершенно равнодушны к нашим просьбам и петициям. Мой кузен всеми силами старался отразить удары судьбы и сохранить репутацию, но с каждым днем его надежды таяли; он винил себя в том, что своей бесплодной борьбой разрушает жизнь мисс Лотии. Устав биться о глухую стену и сознавая, что я тоже не могу ему помочь, однажды ночью Робер тайком сбежал из дому, где мы жили, оставив прощальное письмо такого содержания:

“Дорогой кузен и все, кого я люблю!

Все кончено! Незачем тешить себя иллюзиями. Я взвалил на свои плечи задачу, которая мне не по силам. В одиночку человеку не совладать с целым народом. Оставаясь с вами, я только смущаю ваш покой и мешаю вашему счастью. Я мучаю Лотию, которая слишком добра и порядочна, чтобы отказаться от нашей помолвки. Я обязан освободить ее от всех клятв и обязательств. Пусть позабудет автора этих строчек и не пытается меня разыскивать. Я сейчас уже далеко от вас, и с каждой минутой расстояние между нами будет увеличиваться. Мой долг — тяжкое бремя, но, исполняя его, я жертвую собой для тех, кого люблю, и это дает мне цель в жизни. С полными слез глазами говорю вам: прощайте, прощайте навсегда!

*Тот, у кого больше нет имени,
то есть мистер Ноль, —
более точной подписи не придумать”».*

Бурные рыдания Лотии прервали чтение. Мисс Хадор закрыла лицо руками, плечи ее задрожали, сквозь пальцы потекли слезы. Оретт обняла несчастную девушку, пытаясь хоть как-то успокоить ее. Нервозность передалась и Арману, хотя до этого он вел себя сдержанно и бесстрастно. Молодой человек встал с места и тихо проговорил:

— Ободритесь, Лотия. Я не для того сочинил это письмо и посвятил вас в его содержание, чтобы вы плакали. Теперь мы в лучшем

положении, чем когда Робер нас покинул, скрывшись неизвестно где. Свет надежды вновь забрезжил. Мы разыщем беглеца.

— Я вам верю, но ведь суть дела от этого не меняется. Из уважения к памяти отца Робер захочет вернуть свою фамилию, а из любви к отечеству — свою национальность.

— Из этой ситуации есть выход, — улыбнулся Арман. — Когда я сошел на пристань здесь, в Сиднее, — продолжал он в ответ на вопросительный взгляд обеих женщин, — меня осенила мысль настолько простая, что я удивился, как она раньше не приходила мне в голову. Ведь Ниари, затеявший авантюру, жертвой которой стал Робер, не уезжал из страны вместе с вами и Танисом. Как только Робер воссоединится с нами, мы с его помощью найдем этого интригана и заставим его свидетельствовать в нашу пользу. На основании его и наших показаний власти официально признают тот факт, что мой кузен, ваш жених, Лотия, и без вести пропавший Робер Лаваред — одно и то же лицо. И тогда наш герой снова займет подобающее место среди французских граждан.

— Как хорошо придумано! — обрадовалась Оретт, но Лотия лишь грустно покачала головой.

— Разве Ниари на такое согласится? — вздохнула она.

— Полагаю, что да. Вообще-то его интересы вполне совпадают с нашими.

— Почему?

— Это же ясно как божий день. Ниари — египетский патриот. Да, Танис, в котором сподвижники Ниари видели своего вождя, оказался трусом. Однако идея национальной независимости Египта от этого не потускнела, к тому же прежний вождь умер. В интересах заговорщиков предать факт смерти Таниса гласности — это позволит им выбрать нового вождя и продолжить борьбу.

— Да, вы правы, — сквозь слезы улыбнулась Лотия и горячо стиснула руку господина Лавареда. — Вы молодец! Вы просто заражаете окружающих своим оптимизмом! Недаром Робер говорил: «Если Армана, связав по рукам и ногам, заколотят в ящик, тот зальют в бетонную глыбу, а глыбу зароят в землю, то и тогда мой кузен выберется на свободу».

— Ну, вы преувеличиваете, точнее, это Робер приукрашивал. Вот уж настоящий южанин! Сразу видно, что родился в Алжире. Впрочем, ящик и бетонная глыба нам здесь не грозят, а решение я нашел вполне здоровое. Что же, леди, продолжим занимательное чтение? — добавил Арман с присущей ему иронией. — Я долго вас не задержу, осталось совсем чуть-чуть. Итак...

«Когда мой кузен пропал, я, как это умеют делать только репортеры — полисмены прессы, которым часто помогают полицейские, то есть репортеры правосудия, да воздадим им должное, — так вот я узнал, что Робер Лаваред взошел в Бриндизи на борт корабля “Ботани” сиднейского пароходства и не сходил ни в одном из промежуточных пунктов. Следовательно, Лаваред должен был оказаться в Сиднее еще в июне текущего года».

Арман закончил чтение и посмотрел на женщин, которые выразили мнение, что письмо составлено подробно и толково, все разъяснения понятны и вполне могут облегчить полиции поиски пропавшего.

Убрав бумаги в ящик стола, Арман Лаваред весело объявил:

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ